

АДИЙОГИ

~ ИСТОЧНИК ЙОГИ ~

Садхгуру

и Арундхати Субраманиам

Арундхати Субраманиам
Садхгуру
Адийоги. Источник Йоги
Серия «Садхгуру. Книги
от легендарного духовного
учителя современности»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68611554

Адийоги. Источник Йоги: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-177821-7

Аннотация

Книга посвящена Адийоги – первому в мире йогу. Он разработал искусную, обширную систему самопознания человека, способную привести любого к освобождению от психологических и физических ограничений. И, хотя Адийоги ходил по Земле 15 тысяч лет назад, его наследие до сих пор питает сущностные духовные учения на планете.

Книга состоит из трех частей. Первая и вторая части написаны от лица Садхгуру. Здесь рассказывается о появлении Адийоги в нашем мире и его непревзойденной работе в области самопознания человека. Садхгуру ведет повествование, сплетая йогическую историю с древними сказаниями и мифами о Шиве,

а также обращаясь к современности и новейшим научным исследованиям.

Третья часть книги представляет собой диалоги Садхгуру с его ученицей Арундхати Субраманиам, соавтором книги. Во время их совместного паломничества к священной горе Кайлаш Садхгуру отвечает на ее вопросы, связанные как с Адийоги, так и с темами, близкими любому человеку.

Садхгуру – йог, мистик, основатель некоммерческой благотворительной организации Isha. Успешно выступает с лекциями в самых авторитетных учреждениях мира, включая ООН, Google, Оксфорд и другие. В 2018 году, по приглашению Сбербанка, выступил на Петербургском международном экономическом форуме. В Индии входит в топ-50 наиболее влиятельных людей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Перед началом. Арундхати Субраманиам

6

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Садхгуру, Арундхати Субраманиам Адийоги. Источник Йоги

Copyright © SADHGURU

Cover image: Adiyogi, Isha Yoga Centre

Cover design: Isha Impressions

© Никишихина Е., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Москва 2023

Перед началом.
Арундхати Субраманиам

– **Пора написать книгу об Адийоги**¹, – сказал однажды Садхгуру.

Я попыталась сделать заинтересованное лицо.

– **Адийоги**, – повторил он. – **Шива**.

Я кивнула.

– **Тебе не интересно?** – спросил он озадаченно. Это было скорее утверждение, чем вопрос. За многие годы я поня-

¹ Адийоги переводится с санскрита как «изначальный йог», а также является именем собственным, поэтому приводится в русском переводе так же, как в оригинале.

ла, что невозможно ничего скрыть от этого человека, моего гуру, и пустилась в тактичные объяснения.

– Конечно, Шива – самый загадочный бог на Индийском субконтиненте... – начала я.

– **Он не бог**, – твердо ответил Садхгуру.

Я знаю, что ему нравится действовать «от обратного». Мне тоже. Но сегодня я не намерена поддаваться. И переключаюсь на поэтическую волну.

– Да, Шива вдохновляет, он – символ танца жизни и смерти. Как космический танцор, он воплощает концепции времени, пространства, движения и скорости, и в итоге перед нами предстает сногшибательная иконография.

Увлечшись темой, я захожусь и становлюсь многословнее.

– **Шива намного больше, чем все это**, – отрезает Садхгуру. – **И его влияние распространяется далеко за пределы Индии.**

– Почему бы не написать книгу о вас? – предлагаю я вдохновенно. – Книгу о живущем йоге?

Будучи автором биографии Садхгуру, я знаю: есть еще много сфер его насыщенной внутренней жизни, которые пока не описаны.

– **Он первый йог в мире. Единственный йог. Мы, остальные, лишь его последователи.**

Ну все, довольно дипломатии, решаю я. И втягиваюсь в спор.

– Вокруг слишком много Шивы. Это как эпидемия. Он на

календарях, в телесериалах, в популярной и художественной литературе. Он повсюду. Зачем продолжать цепляться за нашу древнюю традицию? Все это общеизвестно. И к тому же слишком старо. Давайте поговорим о том, что здесь и сейчас. Никому не нужна очередная книга о Шиве.

– **Шива здесь и сейчас**, – тихо отвечает Садхгуру.

Я молчу.

– **Он мой равноправный партнер во всем, что я делаю.**

Я слышала эти слова от Садхгуру и раньше, но сейчас они звучат не столь риторически. Проведя с ним двенадцать лет, я в какой-то мере привыкла к его загадочным афоризмам. И уже знаю, что его глубочайшие откровения всегда проявляются как ремарка, незаконченное предложение или небрежно брошенная фраза.

Это предложение прозвучало так непритязательно, что я почувствовала важность момента. И насторожилась.

– Партнер в метафорическом смысле?

Вопрос остался без ответа.

– Шива здесь и сейчас? – уточнила я.

– **Он – дыхание моей жизни.**

Наверное, именно в эту минуту я сдалась.

Не то чтобы я понимала, во что ввязываюсь. Но успокоила себя с помощью простой логики. Хотя порой Садхгуру бывает неукротимым в своем безрассудстве, он остается самой интересной личностью из всех, кого я знаю. А значит, и его

«равноправный партнер» не может быть скучным.

* * *

Итак, вот она, книга про Адийоги.

Но все не так просто. Позвольте объяснить. Это не упражнение на эрудицию. И не фантастика. Эта книга по большей части – что-то вроде духовной стенографии. Если коротко, она о том, как живущий гуру становится каналом, проводником для Шивы, или Адийоги.

Каналом? Это слово обескураживает, я в курсе. Давайте вернемся к нему позже.

А пока замечу: хотя книга не основана на исследовании в традиционном понимании, библиотека послужила ей значительным подспорьем. Но в данном случае речь идет о мистической библиотеке, а не о материальной.

Во время ежегодных поездок на Кайлаш, в Гималаи, Садхгуру, похоже, продолжает углублять свое обширное понимание Адийоги, его жизни и работы. Неслучайно многие беседы, ставшие фундаментом книги, происходили непосредственно во время паломничества к этой загадочной горе Тибета.

Другие отправные точки – йогическая традиция и обширные мифы Индии. Но и здесь Садхгуру одновременно выступает в обеих ролях – и медиума, и йога. В его случае здесь нет противоречия – одна роль естественно переходит в дру-

гую. Как он часто говорит, для него йога – не приобретенная система знаний. Эта мудрость живет в мозге его костей, в потоке крови. Он усвоил ее не по инструкции, а благодаря древнему способу духовного воспитания – живой передаче. Так Садхгуру стал живым архивом. Но в нем нет ни капли гордости и педантизма. Глядя на Садхгуру, я поняла, что мистическая мудрость узнается по легкости. Он носит свою мудрость с таким же изяществом, с которым накидывает на плечи свои вязанные шарфы.

«У меня нет никакого духовного образования, – часто говорит он. – Я не знаком ни с учениями, ни с писаниями. Все, что я знаю, – это я сам. Знаю полностью – от самых основ до высших проявлений. Зная один фрагмент жизни, можно по аналогии узнать и все остальные. Это не колдовство, а наука – наука йоги, доступная всем, кто готов заглянуть внутрь себя».

Если Адийоги – изначальный йог, и даже Садхгуру – лишь его последователь, то что уж говорить обо мне? По большей части я лишь бестолковая переписчица, смутно осознающая, как мне повезло быть свидетельницей уникальной мистической «загрузки данных».

Я использую слово «уникальный» с осторожностью. Сразу скажу, что стараюсь держаться подальше от штампов из туристических брошюр, этих липких преувеличений, собственных пропаганде – будь она коммерческой, политической или религиозной. Но у меня нет сомнений, что выска-

звания Садхгуру о Шиве представляют собой уникальный документ. Станный, но уникальный.

Однако давайте для начала разметим карту, по которой нам предстоит двигаться.

Шива – или Адийоги, как Садхгуру предпочитает его называть в соответствии со своей йогической традицией, – считается божественным прототипом нашего мира: диким, неукротимым, непостижимым. Он явно старше Аполлона, древнегреческого олимпийского бога, при этом они оба – целители, лучники, а также воплощения красоты, гармонии и света, символы солнца, медитации и погружения в себя. Шива, похоже, старше и Диониса, другого античного бога, с которым у них тоже много общего: они оба – боги безрассудства и экстаза, танца, либидо, опьянения, растворения, защитники свободы и всего незаурядного, божественные проводники между мирами живых и мертвых. Шива воспринимался как верховный бог, народный герой, милостивый благодетель, способный менять обличье. Он трикстер, отшельник, космический танцор, разрушитель. Его эпитетам нет числа.

Существует огромное количество сказаний о Шиве. Святые поэты Индии веками посвящали ему вдохновенные оды. По всему субконтиненту о нем писали эзотерические тексты и метафизические трактаты. В наше время он стал персонажем фильмов и пьес; его разоблачают, выхолащивают, стилизуют под нью-эйдж. Но, как ни странно, это ведет лишь к

тому, что Шива все больше оказывается «в тренде».

Слишком стихийный, он не поддается приручению. Он скорее символ, чем бог, скорее изначальная энергия, чем человек. На картинках индийских календарей его (под влиянием пылкой преданности) изображают шаблонно: румянец, синяя кожа, змея вокруг шеи, звериная шкура на бедрах, молодой месяц на голове. Иногда Шиву можно увидеть на милой картинке в образе лучезарного отца семейства с женой и двумя детьми, и все они стоят в сиянии огромного лимонного гало. Хотя в этом популярном клише есть свое очарование, все, включая обычных индийцев, знают: Шива – намного больше, чем все это.

Никто не может точно определить, кто он и что. Но мы интуитивно воспринимаем его как дикую, взрывную энергию, которая рвется из тайных сказаний с начала времен. Философы, поэты, мистики, историки, писатели, востоковеды, археологи – все они веками вносили свой вклад в лавину литературы о Шиве. Это обширное письменное наследие наполнено глубоким смыслом.

Безграничный. Мощный. Неукротимый. И чуть больше, чем «немного пугающий». Так я всегда воспринимала Шиву.

Садхгуру – не метафизик и не мифолог. Думаю, именно это и делает наш документ уникальным. Садхгуру смотрит на Шиву, как йог смотрит на создателя йоги. Это портрет первого в мире гуру, созданный живущим гуру, **ХРОНИКА ЗАРОЖДЕНИЯ МИСТИЦИЗМА, НАПИСАННАЯ**

МИСТИКОМ.

Вот почему процесс создания этой книги оказался более непредсказуемым, чем я ожидала. Присутствовать при ее воплощении было захватывающе. Я металась от роли собеседника к роли архивиста, вырезая куски текста и комбинируя их, редактируя и корректируя отрывки из разных бесед Садхгуру. Но, по большей части, я, наострив уши, слушала, как Садхгуру разворачивает передо мной нарратив, древний – и в то же время живой.

Такова одна сторона медали.

Должна признаться, что была и другая: сопротивление. Неустанная борьба с материалом. Я засыпала Садхгуру вопросами, твердила о незавершенности и недосказанности в тексте, просила что-то определить, прояснить, упростить. Иногда это получалось, иногда нет. Я постоянно упрекала его в непоследовательности: «Вы говорите о Шиве как о йоге, бесформенной энергии и символе „ничто“. Как же мы соберем внятную историю из такого количества фрагментов?»

Принятие Шивы стало для меня настоящим вызовом – и я пока в этом не преуспела. Но еще труднее было примириться с раздробленностью материала.

Постепенно я начала подстраиваться под проступающую архитектуру текста. По форме он проза, но по логике – поэзия. Когда мистик пытается найти слова для непостижимого, не стоит ожидать солнечной логики, пастеризованных разъяснений. Садхгуру часто начинает рассказ линейно и после-

довательно, а потом вдруг переходит на язык загадочный и отрывистый. Он начинает с популярной легенды, сворачивает в небылицу, и внезапно оказывается, что ты слушаешь йогическое поучение. Его способность подавать миф как свежие новости – и наоборот – беспокоила меня до тех пор, пока я не поняла: в ней, возможно, заключена сила его нарратива. Как и все мистические истории, эта книга нуждается в интуитивном подходе. Подоплека, как всегда, призрачна (сфера мифа – это сфера «коллективного сна», как напоминал нам яркий мифолог Джозеф Кэмпбелл). Мы интуитивно чувствуем подоплеку прежде, чем начинаем что-то понимать.

Слова самого Садхгуру помогли расставить все по местам. В одной из бесед он говорил о концепциях хаоса и порядка как о взаимодополняющих, а не противоположных. «Люди считают, что джунгли – символ беспорядка, а сад – символ порядка. Я использую слово „джунгли“ для описания порядка высшей категории. Здесь вы не видите прямых линий, но при этом все – на своем месте. Порядок джунглей – неправильный с точки зрения логики. Для садовника джунгли выглядят хаотично. Но он ошибается: в хаосе джунглей заложен глубокий порядок. Лес проживет миллионы лет, а сад нуждается в постоянном уходе, иначе не продержится и месяца».

Эти слова послужили для меня ключом к восприятию книги. Я осознала, что нет смысла вырезать и склеивать раз-

мышления Садхгуру в погоне за аккуратным нарративом. Шероховатость подачи в данном случае не только неизбежна, но и уместна.

Когда речь идет об Адийоги, глупо ожидать, что мы получим идеально подстриженный сад прозы. Здесь нужны тропические джунгли, которые кишат жизнью; яркая игра неопровержимых доводов и хаоса, фольклора и магии, мифа и безумия.

Глупо ожидать консерватизма от Садхгуру, который явно не относится к числу консервативных йогов. Или от Адийоги, который, похоже, тоже таковым не был. Вообще, я начинаю понимать, что «консервативный йог» – это, конечно, оксюморон.

Когда я перестала стремиться к пуленепробиваемой логичности, жизнь стала легче. Это не безупречный текст. И он не был так задуман. Это красочный калейдоскоп точек зрения на Адийоги, каким Садхгуру его видит – исследователем, внезаконником, символом, архетипом, йогом, гуру, живым присутствием, блаженством, пустотой.

Тот, кто дерзко нарушает границы, обречен на неудачу. Но, возможно, неудача – не такая уж беда, в конце концов. Мое любопытство достигло пика, когда Садхгуру назвал себя «неудачником». «Моя мечта – привести весь мир к просветлению, так что я обречен умереть неудачником, – сказал он. – Но я умру благостным неудачником. Это я вам обещаю».

К такой неудаче стоит стремиться. Архитектура книги – запутанная, мозаичная, рваная и незавершенная: это призыв, а не хвалебная ода. Я верю, что «Адийоги», как и другие работы Садхгуру, – результат определенной алхимии.

За многие годы я поняла, что эта алхимия – особенность любого аутентичного духовного учителя. Без нее Садхгуру был бы просто инструктором по йоге. Владение алхимией делает его Мастером.

В августе 2011 года я вместе с другими стояла рядом с Садхгуру перед горой Кайлаш, легендарной обителью Шивы в Тибетских Гималаях. Тогда я услышала его рассказ об одном джайнском мистике, Ришабхе, который пришел туда столетия назад. «Он пытался вобрать в себя всю необъятную мудрость Шивы, и ему пришлось отступить. Он слился с этой громадой, этой живой мистической горой. Иначе и быть не могло».

Это послужило очередным напоминанием о знакомой всем нам цепи радостных ошибок. Вдруг я почувствовала, что не против добавить еще один незавершенный эпизод к ревушему каскаду хроник Шивы, которые наполняли, пробуждали и вводили в трепет слушателей с самого начала времен.

Все встало на свои места. Если Садхгуру – канал и медиум Шивы, то я счастлива быть последовательницей последователя. Моей задачей было задавать вопросы (в том числе и довольно дерзкие: похоже, Адийоги не возражал) и остав-

лять пространство как для слов, так и для пауз. Моей задачей было слушать. Позволить Садхгуру говорить. А Адийоги – проявиться.

Эта книга исследует Адийоги как явление: развенчивает заблуждения, раскрывает старые тайны и добавляет новые. Но, возможно, вы спросите: через кого Адийоги говорит в этой книге? Почему этот человек становится «каналом» Адийоги? И что представляют собой эти свидетельства? Это факты или фантазии? Правда или очередной доморощенный миф, порожденный культурой, которая ежеминутно выдает какую-нибудь новую небылицу?

Прежде всего, кто такой Садхгуру?

Есть много способов ответить на этот вопрос. Первый – обычное перечисление: йог, мистик, визионер, духовный лидер. Автор йогических программ, в которых сочетаются древнее знание и современный подход. Публичный спикер. Защитник окружающей среды. Просветитель. Основатель Фонда Isha – духовной организации с центрами по всему миру. Есть и другие аватары: игрок в гольф, альпинист-любитель, поэт, мотоциклист, дайвер, авиатор.

В биографии Садхгуру, которую я написала, вы найдете больше информации о нем. Там рассказывается о мальчике, который с детства видел горы и лишь спустя много лет осознал, что эти горы для него значат. А также о превращении неукротимого мотоциклиста в мистика, агностика – в духовного мастера. Когда я документировала эту удивитель-

ную историю, мне помогал тот факт, что Садхгуру никогда не требовал веры. Я с самого начала руководствовалась его насмешливо-серьезным предупреждением: «Надо быть дураком, чтобы поверить в эту историю». И вслед за этим: «И еще бóльшим дураком, чтобы в нее не поверить».

Садхгуру родился в Майсуре, в Южной Индии. Его отец, врач-офтальмолог, работал на индийской железной дороге. Мать была бесконечно предана своим детям. Мальчик рос необузданным, отпетым озорником. Постоянно прогуливал школу. Он вспоминает, что большую часть детства провел, бродя по лесам, ловя змей и рыбу, лазя по горам, катаясь на велосипеде. Или просто сидя на деревьях и часами глаза по сторонам. В нем не было совсем ничего «потустороннего». Когда его семья ходила в храмы, он предпочитал оставаться на улице. Он часто замечал, что люди, выходящие из ресторанов, выглядят счастливей выходящих из храмов. «В поединке „божественное против досы“² всегда побеждает доса!» – часто саркастически замечает он.

Во время обучения на факультете английской литературы в Университете Майсура он вел себя как упрямый индивидуалист. Однако определенная доля эмпатии побуждала его участвовать в разных революционных политических движениях. По определению Садхгуру, это была «эпоха си-

² *Доса* – распространенное у народов Южной Индии блюдо; тонкие хрустящие блинчики из чечевичной и рисовой муки с разными начинками, испеченные на круглой литой чугунной сковороде.

них джинсов и „Битлз“», и он описывает себя тогдашнего как «жесткого скептика, рок-н-ролльщика, совершенно не затронутого окружающей религией и культурой». Он глотал книги Кафки, Достоевского и Камю так же страстно, как гнал свой мотоцикл через всю страну. Когда ему понадобились деньги, чтобы выехать за пределы Индии, он решил попробовать себя в птицеводстве, а затем и в строительстве. Он преуспел: бак мотоцикла был полон, будущее выглядело многообещающим, а настоящее – идеальным.

Но в двадцать пять лет Садхгуру испытал то, что не просто перечеркнуло все его планы, но и навсегда предало их забвению. Однажды днем он приехал на холм Чамунди в Майсуре, чтобы просто убить время, и через несколько часов спустился оттуда йогом. Он так рассказывает об этом поворотном моменте: «До того момента я знал, что „я“ – это мое тело и ум, а внешний мир был „там“, снаружи. А сейчас я внезапно почувствовал, что не знаю, чем я являюсь, а чем – нет. Мои глаза все еще были открыты. Но воздух, которым я дышал, камень, на котором сидел, сама атмосфера вокруг – все стало мной. Я был всем сущим. Я находился в сознании, но потерял обычное сознание. Мои органы чувств не отделяли „меня“ от „не меня“. Чем больше я сейчас скажу, тем более странно это прозвучит, потому что невозможно описать обычными словами все, что тогда произошло. **ТО, ЧТО БЫЛО МНОЙ, НАХОДИЛОСЬ БУКВАЛЬНО ПОВСЮДУ.** Все взрывалось и разлеталось, не остав-

для границ и пределов, все явления вспыхивали и превращались в другие явления. То было безразмерное единство абсолютного совершенства.

Мое обычное сознание вернулось ко мне, казалось, всего спустя десять минут. Но, взглянув на часы, я обнаружил, что уже вечер! Прошло четыре с половиной часа. Я сидел с открытыми глазами, а солнце уже давно закатилось за горизонт. Я все осознавал, но то, что я раньше считал собой, полностью исчезло. Я никогда не был плаксивым. Но теперь, в возрасте двадцати пяти лет, я сидел на холме Чамунди и испытывал такое экстатическое безумие, что слезы лились рекой – вся моя рубашка намокла! Я ворвался в совершенно другое измерение, о котором ничего не знал, и меня переполняло совершенно новое чувство – буйное блаженство, какого я никогда не испытывал и даже не представлял, что оно возможно. Я решил воспользоваться своим скептическим рассудком – и единственным его предположением было, что я просто слетел с катушек! Тем не менее это состояние было настолько прекрасным, что я ни за что на свете не хотел бы его потерять».

Он знал: хотя то, что с ним произошло, необъяснимо – это, несомненно, «самое прекрасное, что может произойти с человеком». Скептик стал мистиком. Он знал: жизнь никогда не будет прежней. «Я увидел, что можно естественно пребывать в состоянии блаженства безо всяких причин. С тех пор все мои усилия направлены на то, чтобы каким-то

образом передавать вкус этого ощущения другим людям».

Воспоминания, накопленные за многие жизни, проявились в последующие несколько недель. Йог понял, что полученное переживание – лишь пролог к огромному нарративу. Состояние блаженной свободы – цель каждого духовного искателя – уже было ему знакомо, этот опыт он получил три жизни назад. Суть нарратива была заложена тогда же. Она заключалась в обещании, данном своему гуру три жизни назад. Садхгуру посвятил три жизни попытке выполнить обещание. Оно же вызвало новый прилив вдохновения, новое осознание цели и этой жизни. Теперь он понял, что его единственная миссия – создать Дхьяналингу.

Что такое Дхьяналинга?

Тонкая энергетическая форма с семью основными чакрами – или энергетическими центрами, действующими на полной мощности, – Дхьяналинга была подвигом, требующим значительного йогического мастерства. Но мастерства было недостаточно. Будучи адептом высокого уровня в прошлых жизнях, обученный традиции крийя-йоги, Садхгуру уже достиг значительного мастерства в управлении энергетической системой человека.

Трудность была связана с социумом. Поскольку процесс подразумевал близкое взаимодействие мужчин и женщин, при создании Дхьяналинги всегда ощущалось противостояние со стороны общества. Непонимание и прямая враждебность подрывали все прежние попытки создать энергетиче-

скую форму. Однако на этот раз поражение было недопустимо. Несколько жизней уже завершились неудачей, и Садхгуру знал, что нельзя терять времени. С растущей группой преданных учеников он снова устремился к своей незавершенной цели.

В 1999 году, спустя несколько бурных и беспокойных лет, когда он чуть не лишился жизни, Садхгуру осуществил задуманное. Дхьяналинга – непостижимая энергетическая форма, способная засеять семена мокши (наивысшего освобождения) во всех, кто спокойно сидит рядом с ней, наконец-то была установлена у подножия гор Веллиангири в Южной Индии. Это было сделано через прана пратишту – древний йогический процесс прямого энергетического освящения.

Садхгуру часто описывал Дхьяналингу как высший энергетический аватар самого Шивы. Это Шива не в качестве бога или идола, а в глубоком абстрактном смысле – лингам, изначальная форма. «Дхьяналинга – это призыв привнести на Землю наивысшую суть. Теперь она здесь и доступна на всех уровнях любому искателю».

Таким образом, вся жизненная история Садхгуру – напоминание о том, что его связь с Адийоги является договором на многие жизни, «безумным романом», по словам самого Садхгуру.

Однажды я спросила его, откуда он столько знает про Адийоги. Ответ был резким и конкретным. Садхгуру всегда быстро доказывает, что мистицизм – это наука, а не колдов-

ство. «На самом деле, все просто. Есть интернет – внешняя сеть. А есть внутренняя сеть. Это понятно всем, кто заглянул достаточно глубоко в себя. Человек устроен по тем же принципам, что и космос. Оба – продукты одного производителя. А именно – одной и той же вечной тьмы, или пустоты. Вся работа, когда-либо сделанная в области осознания, имеет продолжение. И к ней можно получить доступ. Это и есть „внутренняя сеть“, „интроскоп“. Вот чем я руководствуюсь, благодаря чему получаю доступ к разным аспектам мудрости Адийоги. Вот откуда я черпал силы для освящения Дхьяна-линги».

В другой раз он сказал: «Когда мой гуру коснулся посохом моего лба, я за одно мгновение узнал то, чему невозможно научиться за целую жизнь. С тех пор мне на экзистенциальном уровне доступны все необходимые знания. В повседневных ситуациях я не отягощен ими, ведь с такой ношей на плечах человек становится серьезным. Но если знание передается в виде энергии, а не памяти, то оно вас больше не обременяет».

Итак, «канал для Адийоги» – это не высокомерное самопровозглашение. Для Садхгуру это результат «демонтажа» его так называемой личности. Много жизней он оттачивал восприимчивость с целью настроиться на то, что поэт Рильке блестяще определил как «вести, которые приходят только из тишины». «Если вы глубоко внутри не придаете себе большой важности, – часто говорит Садхгуру, – то можете

превратить свое тело в мощный инструмент восприимчивости и познания. Можете „скачать“ сам язык творения, глубочайшие тайны космоса. Здесь нет ничего сверхъестественного. Это не какое-то великое достижение. Единственное, что требуется, – направить внимание на свой внутренний мир. Это под силу каждому».

После завершения его миссии многое изменилось. Жизнь Садхгуру уже не подчинена одной-единственной цели, но остается столь же насыщенной. Будучи основателем Фонда Isha – международной организации, чья деятельность направлена на благополучие людей, – он ведет курсы и программы по всему миру. У Садхгуру очень плотный график, которому он следует с невозмутимой элегантностью йога. Сейчас он – духовный лидер, чье влияние распространяется на всю планету.

Но что означает быть гуру?

Возможно, лучше всего подойти к вопросу прямо. Давайте начнем с сомнений, которые это слово вызывает во многих из нас. Не отрицаю, что слово «гуру» – это «подозреваемый» во многих лексиконах. Для кого-то оно запятнано безвозвратно, для кого-то отдает темным средневековьем. Скажите людям, что у вас есть гуру, и посмотрите на их реакцию. Это слово заставляет знакомых изумленно моргать, родственников – широко улыбаться, а друзей – с глубокой озабоченностью осведомляться о состоянии вашего банковского счета и о личной жизни. Многие предпочитают немедленно сменить

тему в попытке предостеречь вас от лишних высказываний, чтобы избавить от позора.

Однажды, работая в культурном центре, я обмолвилась старшей коллеге о том, что пишу стихи. Она по-доброму улыбнулась. Прежде чем выйти из комнаты, она в утешительном тоне произнесла: «Уверена, рано или поздно вы чего-нибудь добьетесь в жизни».

Я поблагодарила ее, сожалея, что не могу похвастаться изобретением зубной пасты, отказом от работы в NASA или даже написанным романом. Стихи – это ведь так несерьезно!

К счастью, мне не довелось сообщить ей о том, что у меня есть гуру.

Но оставим коллег. Признаюсь в собственных сомнениях относительно духовных просветителей и авторитетов, пытающихся заключить сакральное в клетку. Я часто задаю себе вопрос: как, черт возьми, я превратилась в человека, у которого есть гуру?

Наверное, честнее всего сказать, что я не воспринимаю себя как скептика, который превратился в преданную. И если я считаю Садхгуру своим проводником, то это потому, что он никогда не просил меня прекратить быть скептиком и стать преданной. Мое состояние переменчиво. Иногда я больше сомневаюсь, чем учусь. Или, точнее говоря, иногда я больше боюсь, чем удивляюсь, больше отвлекаюсь, чем испытываю преданность, больше сопротивляюсь, чем воспринимаю. А иногда – наоборот.

Но содержание моих сомнений, страхов и отвлечений изменилось. Как и мои вопросы. Теперь они основываются на фундаменте доверия.

И это подводит меня к следующему вопросу. Подозреваю, что гуру появился у меня потому, что он – единственный известный мне человек, преданный моей свободе больше, чем я сама.

Для многих людей, вдохновленных им, Садхгуру – святой непостижимого величия. Тем, кто воспринимает его иначе, эта книга покажет еще один ракурс, позволит окунуться в другое мировоззрение, даже если оно не совпадает с вашим.

Я воспринимаю Садхгуру как своего гуру. Но при всем моем самопровозглашенном ученичестве я не способна писать ни жития святых, ни разоблачения. Слово «гуру» часто заставляет нас поверить в отсутствие выбора. Но стоит ли считать, что, ограничивая себя выбором «или-или», вы обеспечите себе вечную молодость? Наверняка есть и другие варианты, кроме как: непререкаемое презрение или слепая вера, злословие или ода, жесткая критика или канонизация?

Пока я писала биографию Садхгуру, которая частенько повергала меня в недоумение, ориентиром мне служила его ясная фраза: «Не смотри ни на что свысока. Не смотри ни на что снизу вверх». Услышав ее впервые, я почувствовала глубокий отклик, поскольку никогда не доверяла иерархиям. Эта фраза до сих пор приходит мне на помощь время от времени.

Я осознала: помимо подозрительности и послушания, существуют и другие варианты реакции на тайну.

Любопытство. Добровольное прекращение неверия. Восприимчивость, которая не переходит в легкоеверие. Исследование, которое не ведет к жестким умозаключениям.

Я люблю слушать, но не отказываюсь от критики. Часто я с удовольствием принимаю несогласие. Мне нравится сочетание рационального и нерационального, в чем так искусен Садхгуру. Последнее преобладает, это правда. Иногда я воспринимаю сказанное им как поучительный миф. Иногда задаю вопросы. Большую часть времени я не то чтобы все понимаю. Но предпочитаю отступить. Не потому, что «есть многое на свете, друг Горацио» (Гамлет часто приходил мне на помощь во время бесед с Садхгуру), но потому, что у меня есть основополагающее доверие к Садхгуру.

А доверие не возникает за один вечер.

* * *

Позвольте напомнить. Это напоминание лишь для тех читателей, которые, как и я, являются искателями. Для тех, кто пытается преодолеть свое сопротивление, вызванное страхом потерять независимость и свободу.

«Зачем нужен гуру? Почему бы не учиться у самой жизни?» – спросила одна воодушевленная девушка после моего выступления в Лондоне. Этот вопрос понятен моему сердцу.

Было время, когда я тоже его задавала.

Я могла бы ответить, что гуру высвобождает те части вас, которые скрыты, лишены права голоса, забыты и недоступны жизни. Он помогает открыть те двери, которые вы открыть боитесь, а также те, о существовании которых вы даже не подозревали. И я не имею в виду те порталы, на которые обычно указывают психотерапевты.

Я знала, что вопрос той девушки серьезен и достоин подробного, полноценного ответа. Косвенно эта книга может послужить таким ответом.

Когда в 2004 году я встретила Садхгуру, я мало что о себе знала. Знала, что нахожу большую часть ответов в поэзии и искусстве. И что мне повезло зарабатывать на жизнь любимым делом. Границы между работой и досугом были, к моему счастью, размыты. Жизнь в большом городе под названием Бомбей или Мумбаи, этом мегаполисе со многими именами и ликами, была насыщенной, захватывающей, всепоглощающей. Мне нравились ее разнообразие, яркость, непредсказуемость.

Но было и то, что мне не нравилось в себе. Я думала, что поэзия постепенно заполнит эти пустоты. Но оказалось, что пустота и есть суть поэзии. Этого я не ожидала. Мне потребовалось время, чтобы понять: поэзия – темное искусство, потому что, по сути, представляет собой высказывания, полные пустот.

Увлечшись в детстве поэзией, я ощущала головокружи-

тельное вдохновение от стремительного полета слов. Текстура речи, подобная то взбитым сливкам, то хрустящим чипсам, то легкому шелку, приносила мне высшее чувственное наслаждение.

Но потом вмешалась жизнь. И постепенно градус наслаждения снизился. Некоторые друзья из культурной среды тоже этому поспособствовали. Мы убеждали себя, что живем как творцы. В отличие от большинства людей, мы не так уж зависели от страховок, клубных карт и отпусков. Но, как бы я ни нуждалась в творческом окружении, я видела его невысказанное беспокойство, имперские замашки и ритуалы самовосхваления. Я была частью всего этого.

Тогда я решила (возможно, ошибочно), что большинство счастливых людей вокруг меня не очень-то интересны. Они были либо чрезмерно возбужденными, либо банально скучными. Я не доверяла ни тем, ни другим. Казалось, что первые пребывают в отчаянии, а вторые живут как послушные овцы.

В стихах есть паузы, подобные пробелам между словами на странице. В какой-то момент я нырнула в один из этих кратеров. И поняла, с чем приходится иметь дело алхимикам речи: они вынуждены сойти с колеи. Я начала открывать пустые, пугающие сферы самой себя, которые не могла определить словами.

Должен быть другой путь.

Всеядное штудирование философии больше не помогало.

Я начала осознавать, что не могу жить полноценной жизнью, используя лишь одну часть своего мозга. Мне стало очевидно: нужен путь, который задействует не только фрагменты ума или сердца, но все мое существо, полностью. Если я не хочу жить раздробленной жизнью, нужно принять тот факт, что я заблудилась.

Так я стала искателем – осознанным искателем. Я могла продолжать обманывать себя, утверждая, будто учусь у жизни. Большую часть времени я старалась не совершать прежних ошибок, а все оставшееся время я их совершала. Я могла говорить себе, что я – резкая и оригинальная, но в действительности то и дело воспроизводить многолетние паттерны самозащиты.

Меня потянуло к людям, которые задавали вопросы и сталкивались с ужасами жизни, лишённой смысла. Эти люди ставили под сомнение то же, что и все мы, но им хватило безумия превратить свою жизнь в знак вопроса. Эти безумцы и бунтари были мистиками. И все они, похоже, уже умерли.

Участие в медитациях и программах самопомощи не поднимало мой дух. После них я чувствовала себя жалкой. Ведь я опустилась до того, что всегда презирала: искала ответов у стильных самопровозглашенных профессионалов, хотя раньше гордилась тем, что я – независимая индивидуальность, свободный искатель. И теперь, в свои тридцать с лишним лет, спрашиваю их о «смысле жизни»? Это было унизи-

тельно.

Но вопросы продолжали меня терзать. И постепенно прогрызли в жизни огромную дыру. Так что, когда я в 2004 году пришла на публичную лекцию человека по имени Садхгуру в Южном Мумбаи, я уже превратилась из убежденного дилетанта в побитого жизнью искателя. Я еще не была готова раствориться в самоотрицании, но хотела, чтобы меня удивили.

Садхгуру меня поразил: он был первым, в ком я увидела сочетание разумности и осязаемой радости. И, несмотря на все его знание, он не утратил способности удивляться. Это помогло усмирить сомнения, которые регулярно возникали относительно его общепризнанной самореализации.

Кроме того, его радость не была раздражающе монохромной. Он был способен как на мистическое откровение, так и на грубоватый здравый смысл. Он мог быть как мудрым взрослым, так и ребенком. Молчаливым и взрывным, глубоким и игривым, созерцательным и страстным. И я понимала, что все эти состояния друг друга не исключают. Его осведомленность о внутренней жизни казалась неисчерпаемой, а жажда знаний – безграничной. Он был единственным «просветленным», которого я когда-либо видела, и при этом не вел себя так, будто «достиг цели». Похоже, он знал внутренний мир от А до Я и при этом не был пресыщен. Подтверждением тому служили любознательность и живость, которые он привносил в каждый момент.

Он был живым доказательством того, что свежесть восприятия и опытность могут сосуществовать. Или, говоря метафорически, того, что нирвана и сансара, эдемский сад и миры падших взаимосвязаны гораздо больше, чем я могла вообразить. Дело не в том, что он был идеальным. Это было бы скучно. Он казался – и это единственное определение, которое приходит мне на ум, – целостным.

Я поняла, что не обязана все время с ним соглашаться (в делах, не связанных с духовностью, у нас были разногласия, порой довольно жаркие, и они не утихли). Меня поразило, что он не ищет поклонников. Не ищет помощников. Вообще, насколько я видела, он не ищет никого и ничего. То, насколько комфортно он чувствовал себя в собственной шкуре, заинтриговало меня. Может быть, он действительно такой, как о нем говорят, – освобожденный?

Жизнь вокруг него всегда сбивает с толку. «Никаких правил», – так он однажды охарактеризовал свой образ действий. Это жизнь ускоренных внутренних открытий. Точно так же чувствуешь себя в машине, когда он сидит за рулем. Импульсивность и контроль, беспечность и точность, радостное возбуждение и аккуратность – как водитель машин и навигатор судеб, рядом с которым волосы встают дыбом, Садхгуру воплощает собой все противоположности в одном безумном замесе.

Он ворвался в мою жизнь, как вихрь. В стихотворении, которое я написала в то время, сказано, что я как будто от-

крыла кофеварку и обнаружила, что у меня сносит крышу. Когда я оправилась от страха и радости этого потрясения, ветра вокруг задули сильнее, и я поняла, что больше не могу жить двойной жизнью обычного поэта и тайного искателя. Если я хочу отправиться в путешествие к целостности, то должна принять свою неопределенность, привыкнуть к «бешенности».

Я больше не могла жить в мирах, которые казались либо полностью светскими, либо непроницаемо сакральными. Мне требовалось что-то между ними. Мост. «Двойное гражданство» вдруг стало необходимостью – опасное и пугающее, оно лучше всего соответствовало моему состоянию.

Следующие двенадцать лет с Садхгуру были посвящены пониманию того, что, помимо книг и исследования мозга, есть и другие пути познания. Пребывание рядом с мистиком позволило увидеть более глубокие источники для наполнения, тонкие методы понимания себя, пути к подлинности. Как я потом поняла, выбрасывать прочь все «духовное», руководствуясь недоверием к ложной набожности, – все равно что вместе с водой выплескивать ребенка.

Кто-то однажды сообщил мне, что в моем отношении к Садхгуру недостает скептицизма. Я задумалась. Парадоксально, но я подозреваю, что некоторые преданные воспринимают меня как довольно нетипичную ученицу: слишком угловатую, слишком дерзкую. Я постоянно была готова противоречить, спорить, задавать неудобные вопросы, даже ко-

гда осознала, что самые глубокие ответы Садхгуру – всегда невербальные.

Я поняла, что для меня скептицизм не сводится к рассудительности. Я ценю возможность сомневаться, но мои сомнения обусловлены не только логикой. Я ценю свободу задавать вопросы, но не ищу общедоступности, не требую освещения с яркостью в сто ватт.

Так что я не скептик, если быть скептиком означает стремиться «расшифровать» Вселенную. Я достаточно знаю о поэзии (и о любви) чтобы понимать: лучший способ познать что-то – это объять, а не разобрать на части. Но я скептик в том смысле, что ощущаю потребность задавать вопросы, жгущие меня изнутри. Вопросы, которые я задаю Садхгуру, порождены не только лихорадочной любознательностью или терзающей меня тревогой, но и простым изумлением. И это изумление не нуждается в корсете нормальности или чопорности благоразумия, во взломанных кодах и решенных кроссвордах. Его обитель – сфера мистики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.